

Е. И. ОРЛОВА

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА
Н. В. НЕДОБРОВО**

**Водолей Publishers
Томск-Москва
2004**

Н.В Недоброво

О соотношении начал: силлабического и тонического

Первая часть

Соотношение начал: силлабического и тонического

Глава I

Звуковые стихии языка

Звучность языка образуется пятью стихиями: 1) стихией наличия звука, 2) стихией качества звука, 3) стихией тона звука, 4) стихией количества звука и 5) стихией ударения звука.

Человеческая речь не звучит непрерывно: в образовании общего от нее звукового впечатления участвует не только время звуковой наполненности, но и время пресечения звуков, разграничивающих слова, предложения и сочленения последних, но отдельное слово не звучит нерасчленимо: слоги воспринимаются как плотно смежные, но одна другую не проникающие звуковые единицы. Состав речи из разделенных пресечениями сплошных звучаний, образованных сплочением распознаваемых звуковых единиц, я называю стихией наличия звука.

Звуки человеческой речи не одинаковы: в зависимости от положения голосовой щели при их произнесении, они качественно различаются между собою на слух; качества звуков изображаются буквами. Состав речи из различаемых по описанному признаку звуков я называю стихией качества звука.

При произнесении гласных звуков число колебаний звуковых волн входит в пределы восприимчивости к нему человеческого слуха, вследствие чего всякий гласный звук отличается своим, но отнюдь не закрепленным ни в каком отношении тоном, а, так как согласные звуки в речи лишь сопутствуют гласным, то способности

гласных звуков сообщаются всей речи, отчего она и получает свойство, естественно называемое мною стихией тона звука.

Для произнесения каждого звука необходимо время, но продолжительность этого времени не одинакова для всех звуков. Большая часть согласных не может быть протянута, гласные же могут тянуться и потому, вообще, произносятся дольше согласных; но и гласные, по разным причинам, не совпадают в долготе; кроме того восприятие долготы, даже больше чем с восприятием отдельного звука, слепляется с восприятием целого слога, а его долгота может зависеть не только от долготы основного гласного звука, но и от числа и от возможной долготы согласных. Описанное многообразие речи в долготе произношения звуков, следуя обычаю, я называю стихией количества звука.

Наконец, не все звуки человеческой речи произносятся с одинаковой силой: одни слышны дольше и звучат громче других; эта способность свойственна преимущественно гласным звукам, но в восприятии она легко относится и к слогу. Состав речи из различных по громкости произношения звуков я буду называть, применительно к условиям русского языка, стихией ударения звука.

Глава II

Условия осуществления ритма

В удавшемся, одаренном художественным бытием стихотворении все описанные звуковые стихии языка участвуют в производстве общего художественного впечатления и каждая частность звуковой ткани, к какой бы стихии она ни принадлежала, работает в определенно соответствующем ей направлении, так что изменение этой частности неминуемо отразится на общем впечатлении от стихотворения. Но и не всякая стихия языка может послужить для строения из нее ритма, но только удовлетворяющая тем условиям, без выполнения которых ритм не может осуществляться: условию отчетливости ритма и условию непрерывности ритма, и, при том, не одному из них, но обоим сразу.

Для того чтобы ритм воспринимался, необходимо чтобы при чередовании повторения и возвращений его явлений, чередующиеся явления несомненно различались, а повторяющиеся и возвращаю-

щиеся безусловно узнавались. Поэтому построению ритма может служить только стойкая языковая стихия, то есть такая, различные единицы которой отличаются, каждая от всех, на меру настолько распознаваемую восприятием, что принятие одной единицы за другую невозможно, а произвольная замена одной другою несомненно искажает целое, в которое она входит. Это, по моему названию — условие отчетливости ритма.

Также безусловно необходимо для восприятия ритма, чтобы каждое его явление вступало в восприятие, когда в нем еще не изгладилось впечатление чередования, повторения и возвращения ряда явлений того же порядка. Поэтому построению ритма может служить лишь такая звуковая стихия, появления которой в речи постоянно, или почти постоянно, и число различных между собою единиц которой не настолько велико, чтобы чередующийся ряд не мог спутаться в памяти восприятия, а возвращение какой-либо могло не почувствоваться, по забвению предшествовавшего от нее ощущения. Объясненное условие я называю условием непрерывности ритма.

Глава III

Исследование ритмостроительной способности отдельных звуковых стихий языка

Испытание двумя условиями ритма ритмостроительной способности пяти звучных языковых стихий мне удобнее начать со стихий непригодных для ритмостроения.

Стихия тона не удовлетворяет условию отчетливости ритма, прежде всего потому, что у каждого человека тональность речи личная и по сравнительной ее средней высоте и по диапазону, так что разными людьми одни и те же слова будут произнесены в тональном отношении неузнаваемо разное; кроме того, ни к качеству гласных звуков, ни к месту их в слове не прикреплено определенное тона, и, в русском языке, тональность получает объективное значение лишь в интонациях, где повышением или понижением тона, или же сочетанием их в последовательности, обозначается вопросительный, повелительный и т. под. характер речи; при этом интонация определяется лишь тенденцией тонального движения при про-

извольных интервалах. Не будучи в состоянии служить для построения ритма, интонации, однако, участвуют в общем поэтическом действии стихотворения и расчетливое ими пользование, например интонацией вопросительной, вынуждающей голос на заметное повышение, входит в объем поэтического искусства.

Способность стихии количества служить ритмостроению различна по языкам, в отношении к условию отчетливости ритма.

В одних она ему удовлетворяет: в этих языках долгота и краткость, различимые на отчетливую меру, прикреплены к определенным звукам и слогам определенных слов, к определенным грамматическим формам и т. под. в такой мере, что всякая подмена короткого звука долгим, или наоборот, изменяет лицо слова не меньше, чем подмена одного звука другим по качеству. Таков был древнегреческий язык и потому его словесный ритм был построен именно на стихии количества — на чередовании, повторении и возвращении кратких и долгих слогов.

Русскому языку присуще другое свойство: стихия количества проявляется в нем чрезвычайно зыбко, завися и от личного говора каждого человека, и от эмоционального состояния говорящего, и от интонации; всего же важнее то, что в русской восприимчивости к языку не существует определенной меры количества, которая бы позволяла определять без ошибки каждый данный звук или слог как краткий или долгий и воспринимать произвольное изменение количества слога как искажение вмещающего его слова. В виду этого в русском языке стихия количества звука не служит ритмостроению.

Стихия качества звука. удовлетворяя требованию отчетливости, не подходит, в общем, под условие непрерывности ритма и может служить основанием для его строения лишь отчасти, так как число различных по качеству звуков, чтобы удовлетворять требованию непрерывности, чрезмерно: одинаковые и сходственные звуки разделены по большей части таким числом иных звуков, что не слаживается ясного восприятия возвращения звуков, а начало цепи чередования забывается раньше, чем вся она изойдет; происходит это особенно потому, что каждый одинокий звук сравнительно слабо впечатляется в восприимчивость. Если влияние последнего препятствия ритмостроению может быть умалено пользованием для ритмических целей одинаковыми или сходственными сочетаниями звуков, то в меру умаления одного, увеличивается значение другого,

отмеченного первым, препятствия: сходственные звуко сочетания будут естественно стоять еще дальше одно от другого, чем отдельные сходственные звуки, а во власти произвольного сближения этих сочетаний художник будет всегда чувствительно ограничен необходимостью отыскивать их в теле живых слов, значение, эмоциональная и грамматическая природа которых может мешать сближению сходственных звуко сочетаний. Вследствие этого и не существует словесного искусства с основным ритмом, построенным на качестве звуков. В известных пределах, однако, качественные ритмические явления все-таки существуют, то увеличивая и ярко обозначая ритмическое действие других стихий — такова ритмическая роль краесогласия (рифмы и ассонанса), то разбросанно строя в отдельных частях стихотворения короткие, но полные качественные ритмы (средствами всевозможного вида аллитераций и т. под.) и этим значительно повышая звуковую действенность произведения.

Стихия наличия звука удовлетворяет обоим условиям осуществления ритма. Условию отчетливости — потому во-первых, что наличие звука и его отсутствие не могут быть приняты одно за другое, и, во-вторых, — что каждый слог слышится, как особая единица в составе слова: при той степени внимания, которая необходима для общего восприятия человеческой речи, невозможно спутать одного слога с двусложною группою.

Условию непрерывности ритма стихия наличия звука, по отношению к чередованию явлений ритма, удовлетворяет потому, что составляется только из двух родов явлений — звуков и пресечений, в силу чего цепь чередования, могущая состоять только из двух звеньев, не может спутаться в восприятии; по отношению к возвращению явлений ритма — возвращения как звука, так и пресечения всегда узнается: звук, смененный пресечением, сейчас же после этого пресечения возвращается — за пресечением ничего кроме звука последовать не может; пресечение же никогда не отстоит от пресечения настолько далеко, чтобы человек, окончив слово, не помнил со всею отчетливостью, что он его и начал. Что касается до повторений явлений ритма, то повторение пресечения немыслимо: пресечение начинается только прекращением звука, а так как само пресечение не есть звук, то после одного пресечения не может начаться другого, а может начаться только звук, или, если звука не последует, молчание, которое уже не относится к явлениям речи.

Остается выяснить, насколько стихия наличия звука удовлетворяет требованию непрерывности ритма по отношению к повторению единиц звука — слогов. Не составляет ли, в иных случаях, повторение слов настолько длинных рядов, что, по истечении ряда, количество составляющих слогов сотрется в восприятии и ритмическое впечатление будет в соответствующем месте прервано? Для этого понадобились бы слова исключительной длины. Можно по самонаблюдению заметить, что, включая четырехсложные слова, число слогов в слове не только воспринимается, но и с несомненностью мгновенно и бессознательно подсчитывается. Это свидетельствует — гораздо более чем о восприятии — об его осознании; безошибочное восприятие разниц в количестве может осуществляться и без счетного осознания количества. Подтвердить это можно опытом с такими длинными словами, которые существуют в языке с тем же значением и с почти тождественным звучанием, но с переменным количеством слогов, например: жаворонок и жавронок, щиколотка и щиколка. Если слова эти еще удлинить производными формами и сказать подряд: щиколоточная кость и щиколочная кость, то слушатель может быть не скажет, что в первом случае он слышит шестисложные слова, а во втором — пятисложные, но несомненно воспримет второе как на один слог кратчайшее первого. Это же слово можно удлинить и еще; сказать, например: подщиколоточная и подщиколочная (7 и 6 слогов) и эта длина все-таки будет еще в пределах бесспорного восприятия. Теоретически, однако, можно предположить такую длину слова, при которой повторение слогов воспринимается как явление аритмическое; но слова этой чудовищной длины едва ли необходимы поэзии: действительно, семисложное слово (если более длинное фонетически не распадается) есть, по-видимому, предел, поставленный, независимо от рассматриваемого вопроса, неместимостью более длинного слова в существующие роды стиха.

При испытании стихии ударения звука двумя условиями осуществления ритма прежде всего необходимо решить, что собственно является разнородными единицами этой стихии — ударенными и неударенными. Что ударенными единицами являются слоги, несущие главные словесные ударения, которых в русском языке бывает не более одного в каждом фонетическом слове (некоторые непрерывные написания произносятся с несомненным в них пресечени-

ем), это, кажется, не нуждается в обсуждении. Но в словах длинных и составных бывает слышно и более одного ударения. Слоги, несущие эти дополнительные ударения, нельзя, однако, отнести к тому же роду единиц, что и главные ударенные слоги, так как дополнительные ударения значительно слабее господствующего, настолько, что смешаны с ним быть не могут, но зато от неударенных слов они отличаются по силе произношения незначительно, звучат непостоянно и у разных лиц неодинаково, в общем экспираторном волнении речи подъемы главных ударений господствуют над второстепенными так же, как и над общей неударенной низиной слова, которой второстепенные ударения сообщают лишь как бы некоторую экспираторную шероховатость, находящую себе мудрое применение в поэзии.

Коль скоро определено, что к неударенному роду единиц относятся все слоги, кроме несущих главные словесные ударения, предстоит решить, является ли единицею этого рода каждый из этих слогов, или весь расположенный между двумя ударениями ряд слогов? Признание единицею каждого неударенного слога уничтожило бы границу между стихиями ударения и наличия звука и извратило бы самое понятие о стихии ударения. Действительно, роды единиц стихии ударения различаются по одному признаку — присутствию несомненного ударения, так же как и роды единиц стихии наличия по одному признаку — присутствию голоса. Поэтому, как в стихии наличия только то, что положительно, то есть звуки голоса, поддается расчленению на единицы этого положительного явления, а таковыми являются слоги, а отрицательное, т.е. незвуки, пресечения, совершенно независимо от их временной длительности, каждое представляет неразделимость, так как отсутствие чего-либо не может иметь частей; так же и в стихии ударения только положительные явления — ударенные слоги, каждый, являются самостоятельной единицей, а отрицательные, то есть неударенные пространства речи, независимо от числа составляющих их слогов, каждое, представляют неделимость, как не могущее иметь частей отсутствие чего-либо, в данном случае ударения. Если же сказать на это, что все-таки, в сущности, неударяемые слоги не есть ничтожество, в голос, то в этом качестве они, конечно, являются единицами но только в той области классификации, где они отвечают положительному признаку, то есть в стихии наличия. Другими словами, ряд неуда-

ренных слогов положительная и потому дробимая величина в стихии наличия и отрицательная, а потому и недробимая величина в стихии ударения.

Здесь существенно необходимо оговорить, что признание ряда расположенных между двумя ударениями слогов одного неделимого единицею, независимо от длины этого ряда, есть утверждение целостности каждой в отдельности, а отнюдь не равенства между собою всех этих единиц; из чего следует, что в действительном ритме различие в длине неударенных пространств между ударениями не посторонне ритму, но входит в состав образующих ритмическое впечатление воздействий и, значит, подлежит поэтическому искусству, так же как, например, то обстоятельство, что каждый ударный слог очевидно не является неделимой единицею, не мешает неравенству между этими слогами и различному ритмическому их действию в зависимости от логического ударения.

Установив таким образом роды единиц стихии ударения звука, легко увидеть, что она удовлетворяет обоим условиям осуществления ритма. Требованию отчетливости — то, что на неударенной плоскости слова безусловно выделяется один, несущий главное ударение слог, и перемещение этого ударения, если не изменяет значения или грамматической формы слова, то искажает слово. Не отнимает способности ритмостроения у стихии ударения и неустойчивость его на некоторых словах, а именно на способных проклитически и энклитически слипаться с другими словами. Неустойчивость эта не должна быть принимаема за неотчетливость. Беглость ударения зависит от того, допускает ли говорящий слипание слов, или нет: в первом случае образуется одно слово, во втором сохраняется два слова, а следовательно звучит и два ударения. Требованию непрерывности стихии ударения звука удовлетворяет потому, что, состоя из двух только родов единиц, она может <...>

<здесь, листом 7, чистовик обрывается. Л. 8-10 — черновик, переписанный не полностью. Вот что автор не переписал — *Е. О.*:>
<...> образовать только очень короткую, двузвенную цепь чередования, которая не сможет спутаться в памяти восприятия; возвращение ударения не может быть не узно, так как ударение от ударения может быть отделено только одним неударным рядом; возвращение неударного ряда обыкновенно происходит через одно же ударение или через два, если два краеударных слова сталкиваются

ударениями; чтобы получить подряд большое число ударений, надобно между краеударными словами вставить односложные неприносящиеся слова, и все-таки в разумной речи едва ли их удастся набрать столько, чтобы по истечении их в восприятии не сохранилось памяти от предыдущего неударного ряда; повторение неударного ряда немислимо не основании тех же суждений, что и повторение пресечения; повторение ударенных слогов сколько-нибудь длинным рядом, как вышеуказано, требовало бы накопления равноударных односложных слов, что могло бы быть достигнуто только ценою бессвязности или введением перечисления <нрзб.: означаемых односложными словами представленных?>.

Можно предположить теоретически ряд и такой длины, что он прервет ритмическое восприятие, но допустить такой ряд в стихи было бы серьезнейшим доказательством неуклюжести поэта.

Таким образом, вышепроизведенное исследование показало, что в русском языке для ритмических строений могут служить в полной мере стихии наличия звука и его ударения, при воспособлении в некоторых случаях от стихии качества, самостоятельная способность которой к ритмостроению в словесном искусстве ограничена.

Глава IV

Начала русского стихосложения

<л. 10 дальше остается чистым; с л. 11 начинается черновой текст, однако связный>

Причина того, что начала силлабические и тонические являются в русском стихе то в полном слиянии, то в слиянии с преобладанием одного из них, лежит в исключительной живости и разнообразии русского ударения, которое может ложиться и очень и довольно слабо. В языках, в которых ударяемые слоги являются произносимыми с разительно большей по сравнению с неударяемыми силою, например в немецком, господствует тоническое стихосложение. Стих образуется определенным числом сильно ударяемых слогов, между которыми помещается колеблющееся число неударяемых слогов, по сравнению с ударяемыми настолько слабых, что каждая их группа, независимо от числа входящих в нее слогов, играет роль одной ритмической низины.

Напротив, в языках со слабым ударением, каковы, например, языки французский, польский, чешский, применяется силлабическое стихосложение. Разница между ударяемым и неударяемым слогом настолько невелика, что в ритме она является почти незначущей и ритмические периоды определяются лишь количеством почти одинаково слышных слогов.

Из этого наблюдения по отношению к русскому стиху должно сделать вывод, что в стихах с силлабической основой, то есть в ямбе и хорее ударение произносится слабее, чем в стихах с тонической основой, т.е. в дактиле, амфибрахии и анапесте.

Что же тому причиной? Дело в том, что опыты массового подсчета насыщенности русской речи ударениями приводят к выводу, что на один ударяемый слог в свободной русской речи приходится примерно 2 — 2 1/2 неударенных слога. Это как раз то отношение, которое соответствует отношению ударений и неударений в стихах из трехсложных стоп. Для ямбов и хореев, если бы в них все метрически предполагаемые ударения были на месте, это отношение было бы стеснительно; в виду этого при применении этих стоп неизбежно явился пропуск ударений; а пропуск этот только в том случае не будет создавать аритмии, если и прочие ударения будут настолько ослаблены, что дадут возможность и неударенным слогам быть слышными каждому в отдельности, а не слитными низинными группами — так выявляется с особенной силою в ямбе и хорее их силлабическая основа. А раз она выявилась, явилась возможность не только пропускать ударения, но и ставить их в неожиданных местах, что еще более утверждает силлабическую стихию.

Напротив, в трехсложных стопах, кроме того, что потребность в пропуске ударений и явилась-то бы в них редкою, каждый пропуск ударения создавал бы ритмическую низину длиною в 5 слогов, то есть требовал бы исключительно длинных слов, да к тому же такая ритмическая низина спутывала бы ритм уже потому, что создавала бы тождество трехсложных и двусложных ритмов.

Пропустите 2 ударения в двусложных стопах.

— ◡ — ◡ — ◡ —
— ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ —

Пропустите одно ударение в трехсложных

— U U — U U —
 — U U U U —

получится то же самое.

Кроме того столь большая длина ритмической низины заставляет забывать ритм. Она меньше делает это там, где уже ослаблена ритмическая роль ударения, то есть в хорее и ямбе, и там встречаются наударяемые слоги по 5 подряд, напр. стих из «Бала» Баратынского

Нарядами окружена
 U — / U U / U U / U —

Но стих такого типа представляет очень редкую разновидность четырехстопного ямба. Реже его лишь форма

U U U U U — U —

встречающаяся один раз, по статистике Андрея Белого, у Каролины Павловой, да попадающая изредка у современных поэтов.

В трехсложных же стопах ритмическая низина в 5 слогов должна давать впечатление уничтожения ритма, что ниже будет показано.

Если, таким образом, в дактиле, амфибрахии и анапесте нет потребности в понижении силы ударения, и количество ударений в стихе не меньше количества стоп, то стихи эти являются хранителями тонического начала. Оно может, однако, еще усиливаться, если уменьшать число неударяемых слогов между ударяемыми. Если между последними будет то один, то два неударяемых слога, то, чтобы не получалось спотыкания ритма, необходимо произносить ударяемые слоги настолько сильно, чтобы отношение между ударяемой и неударяемой частью стопы было по разным стопам как можно ближе.

Объяснюсь: если ударяемый слог произносится в 1 1/2 раза сильнее неударяемого, то отношение ударяемых и неударяемых в полном анапесте будет 2 к 1 1/2, а в стянутом 1 к 1 1/2, то есть в первом случае неударяемые будут преобладать над ударяемыми, а во втором ударяемые над неударяемыми — это, по-видимому, аритмия. Если же мы дадим ударение силою в 3 неударяемых, то полный анапест: 2 к 3, а неполный 1: 3, т. е. в обоих случаях перевес на стороне ударяемого, и получается евритмия, полная разнообразия.

Итак, из принятого поэтом ритма вытекает и то, с какою силою будет делаться при произнесении стихов ударение 1) при употреблении ямба и хоря, с частыми пропусками следуемых ударений и появлениями дополнительных — наибольшая разница между ударенными и неударенными слогами и начало силлабизма явно господствует; 2) при употреблении, но более метрическом тех же стоп — разница между ударяемыми и неударяемыми увеличивается и начала тоническое и силлабическое близки к равновесию, но силлабическое преобладает; 3) при употреблении дактиля, амфибрахия и анапеста — разница между ударяемыми и неударяемыми еще увеличивается и начало тонизма начинает преобладать над началом силлабизма; и 4) при употреблении тех же стоп, но со стяжением их разница между ударяемыми и неударяемыми очень велика и стих становится чисто тоническим — доля силлабизма самая маленькая.

Ударение в русском языке экспираторное — т.е. такое, при котором ударяемый слог выделяется из ряда неударяемых большею силою выдыхания воздуха при произношении слова. Этим устанавливается первая связь ритма с дыханием. Эта связь имеет то большое значение, что она позволяет поэту, предопределяя выбором того или другого ритма силу ударения, управлять работою нашего дыхательного аппарата. Если ударение должно звучать с особою силою, то воздух должен быть выжимаем из легких также с большим напряжением, дыхание должно вследствие этого соответственно углубляться, сердце биться размашистее и весь человек становится активнее, но менее восприимчивее (так — *Е.О.*); ослабляя ударения, мы умеряем волнение, и человек делается зорче, чутче. И вот, в зависимости от того, хотим ли мы заставить человека видеть, слышать, впитывать и отрешаться от себя, или предаваться себе и волнуясь, отпечатлевать свои волнения во внешнем мире, мы пользуемся в первом случае стихами силлабического типа, а во втором тонического, с принятием к учету всех градаций.

Поэтам простительно младенческое отношение к словам — вера в тождество слова с бытием. При вере в такое тождество родство слов равняется родству вещей. И мы с гордостью думаем, что управляя дыханием, мы управляем чем-то очень близким к духу — какие это прекрасные, в самой глубине голоса образуемые звуки — дыхание — душа!

Н.В.Недоброво

Ритм, метр и их взаимоотношение

Поднять вопрос о взаимоотношении ритма и метра своевременно: теперь русский поэт должен задумываться над этим взаимоотношением. До последнего времени в передних рядах искусства проповедовался общий закон верховенства художнического произвола и этот общий закон без спора покрывал собою и произвол в области стихосложения. Но за последние годы старые правила были оценены по-новому, и высоко поднято знамя канона, а так как пока не выработано другого, кроме метрики, цельного канона размеренной речи, право поэта на свободную ритмику может быть взято под сомнение, а, вернее, так: право будет признаваться, но пользование им станет, пожалуй, почитаться досадною суетливостью и неблагообразием.

Во избежание какой-либо неясности должно оговориться, что, упоминая о *метре*, *метрике* и обо всем производном, я отнюдь не имею в виду метрического стихосложения, то есть стихосложения, основанного на мере — долготе и краткости — слогов. Я говорю о метрике в русском стихе, каков бы он ни был, и понимаю под нею свод правил о симметрическом чередовании, с одной стороны, ударяемых и неударяемых слогов (стопы), а с другой — пауз (стихи и цезуры в них), свод правил, полагающих формальную границу между стихотворной и обыденной речью.

А ритм — что это? Не есть ли ритм какое-либо колебание в пространстве или времени (говорим же мы о ритме линий), объединенное на своем протяжении общей зависимостью, будет ли эта зависимость, заимствуя выражения из грамматики, сочинением, то есть зависимостью в пределах самого колебания, или соподчинением, то есть зависимостью всего колебания от общего воздействия.

Какого же рода колебания возможны в русской речи? — Первое: чередование произношения звуков и перерывов в нем; второе: чередование звуков по силе выдыхания при произношении (ударение); третье: чередование звуков по длительности произношения; четвертое: чередование звуков по качеству. Но длительность произ-